

ОЛЕГ МОРЯНИН

Каффа

Книга вторая

ПАЛ Ъ МИ РА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 2

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6
М80

Морянин О.

М80 Каффа : Книга вторая : [роман] / Олег Морянин. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2022. — 316 с. — (Серия «Хроники Каффы»).

ISBN 978-5-517-07387-7

Приключенческий роман современного российского писателя Олега Морянина, действие которого происходит в средневековой Каффе (старое название Феодосии). Отпрыск благородного, но обедневшего рода, спасаясь от разного рода неприятностей, покидает родную Геную и отправляется на службу в газарийские колонии, где проходит через жизненные испытания: любовь, войну и мор, неожиданным образом влияя на обстоятельства и сам изменяясь под их бременем.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-517-07387-7

© Морянин О., 2022
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2022

Prodigium¹

¹ Предзнаменование (*Лат.*)

«...это для них есть предзнаменование
погибели, а для вас — спасения.
И сие от Бога.»

Послание к Филиппийцам 1:28

Гонцы из Генуи, прежде редко прибывающие в Каффу сухим путём, в последнее время заметно зачастили. Среди них стали появляться очень именитые вельможи и даже особы, близкие к его Великолепию Дожу Генуи. Консульская переписка и собрания приняли весьма оживлённую и насыщенную форму. Синьор Гримальди проводил с важными посланцами немало времени, а порой и целые дни. Мне не всегда доводилось присутствовать при этих разговорах, что несколько задевало и даже беспокоило: не потеря ли это доверия со стороны Его Светлейшества? В Лоджии почти ежедневно стал собираться Большой Совет. Изредка пребывая на подобных встречах, я понимал, что нынешние намерения Каффы решительны и бесповоротны, ибо они всецело поддержаны генуэзским Палаццо Дукале¹.

Ещё отмечал я, что вести из христианских земель приходили всё более беспокойные и невесёлые. Многие приметы указывали на скорое наступление необычайных событий, и знамения эти были большей частью дурного свойства: изверглась огнём гора Этна, в королевствах франков и германцев разлились необычайные наводнения, нашествие саранчи дошло аж до Голштинских земель, Парма и Рим подверглись губительному землетрясению, а по берегам Нормандии пронёсся невероятный по силе и разрушению шторм. Сверх того, повсеместно была замечена непривычная кровожадность диких зверей. Волки потеряли всякий страх и, что доселе было неслыханно, врываются нынче не просто в селения, но даже в дома.

Родители также написали мне о том, что текущий год в Лигурии был наполнен ненастями и дурён неурожаем, и что в родных мне краях, грозит воцариться страшная нужда.

* * *

Неделю тому, может чуть более, в Лоджии Коммуны появился средний сын Грегоро де Буаски Марко. Он предоставил вниманию

¹ Дворец Дожей.

Его Светлейшества гневное письмо, адресованное Консульством Солдайи этому мятежному семейству. Из послания следовало, что «...де Буаски посягали ранее и продолжают посягать по сию пору на права, которые им не принадлежат, нарушая честь и выгоды светлейшего Совета и общины Солдайской». Что «...они завладели немалыми землями, без указа воздвигая на них постройки...», а ещё, что они «...зло умножая злом, установили виселицы в деревне Скутти и позорные столбы в Тасили от своего имени и в величайшее оскорбление солдайского Консульства». Посему, именем достопочтенного и светлейшего синьора ди Тодиса объявляется о наложении на них штрафа в размере тысячи соммов в пользу Совета, а все незаконно возведённые семейством постройки подлежат немедленному уничтожению.

Из разговоров мне давно было известно, что владения семьи де Буаски лежат на границе солдайских земель и земель княжества Ютии. Изворотливый Грегоро до сих пор ухитрялся убеждать готов в том, что он пребывает под покровительством венециан, а солдайцев — напротив, в подданстве его готскому княжеству. Таким образом, стараниями и хитростью де Буаски, посреди Газарии возникало некое своевольное дистретто¹, лишённое, казалось бы, всякого подчинения. Нынче же венецкий Консул неожиданно проявил решительность, и действовать он намерен, верно, как и указал: «...по долгу службы своей, ради пользы Коммуны и чести светлейшего Совета...».

Синьор Гримальди был заметно озадачен содержанием этого письма.

Через два дня после посещения каффианской Лоджии Марко де Буаски, в Каффу с посланием прибыл секретарь его Светлейшества Консула Солдайи. В послании напоминалось, что Совет венецкой Коммуны уже не раз предупреждал Каффу о недопустимости поощрения и покровительства произвола, творимого на солдайских землях семейством де Буаски. Что из деяний этих недостойных синьоров истекают лишь «вред и унижения», в то время как правитель Солдайи «...ничего иного не желает и не помышляет ни о чём ином, как о том лишь, чтобы пасомые им овцы, подданные Венеции, имели бы справедливое управление и не терпели бы притеснений». Завершая послание, синьор ди Тодис выражал уверенность в том, что Правители Каффы «...проявят достаточную заботу об ограждении влияния, достоинства и чести венецкого консула». В противном же случае он угрожал возникновением неких осложнений, известия о которых должны будут сильно нас огорчить.

¹ Городской округ в средневековой Италии, прообраз герцогства.

Из написанного ясно проистекало, что в Солдае вполне известно о поддержке Каффой непокорного семейства. Что ж, де Буаски и впрямь укрепились на спорных прибрежных землях, воздвигнув там целую крепость, во многом благодаря кошелькам, присылаемым генуэзцами. Совершалось это всегда в тайне, и даже в Большом Совете об этом щедром содержании известно было немногим.

Наличие столь дерзких и отчаянных союзников, вносящих раздор и сумятицу между венецианами и готами, играло Генуе только на руку. Впрочем, ввязываться в преждевременные распри со всеми соседями у Консула Каффы пока в намерениях не было.

* * *

Подбирая шубу для Миланы, я сразу отмёл всякую дешевизну, возможную в этом деле. Овчина, заяц, белка — всё это совершенно не годилось. Каракуль мне не нравился самому. Горноста́й, как мне показалось, был бы слишком вычурен. Что ж, между песцом, соболем и куницей, я остановил свой выбор на соболе. Будучи не слишком длинной, шуба должна была быть тёплой, лёгкой и красивой, под стать своей хозяйке. Синьора Гримальди в ответ на мою просьбу расхвалила мне одного мастера из болгар. Вскоре я разыскал лавку этого маленького, сухого старичка и описал ему все требуемые условия. Скорняк, увлечённый своим занятием, радостно кивал, со всем соглашаясь и одобряя мой выбор, кое-чем, впрочем, его дополнив. Воротник, по его разумению, стоило скроить из чёрно-бурой лисы, а саму шубу обшить нарядной тканью. Заподозрив во мне толстосума, мастер предложил для этого синюю или алую парчу. Я же, подумав, решил, что это будет белый бархат. Подслеповато щурясь, болгарин pokrивился с сомнением, но я всё же настоял на своём.

Помимо шубы мне захотелось выказать свою любовь и символическим подношением кольца. Причём кольца необычного.

В этом деле помог мне Зульфикар. В одну из встреч с ним я обмолвился о том, что ищу хорошего ювелира. В отличие от синьоры Гримальди он был настойчив и не слишком деликатен. Что ж, мне пришлось поведать ему, пусть и не вдаваясь глубоко в подробности, о Милане и моей любви к ней. Узнав о моём намерении жениться на вдовой, разбойник посмотрел на меня с некоторым испугом. Впрочем, не высказав далее ничего дурного о моих замыслах, он решительно предложил встретиться в этот же день после Ноны у Портового входа на Большой рынок.

— Э-э-э... Когда просит друг, завтра не бывает, — в ответ на мои сомнения решительно отрубил перс.

На встречу Зульфикар пришёл раньше и ожидал меня, как обычно, не один. Он стоял на краю площади в окружении нескольких человек. Следующий повсюду за ним огромный черкес и ещё один вооружённый верзила составляли постоянную его молчаливую стражу. В руке у верзилы был большой плетёный короб, покрытый нарядно вышитой тканью. К его стати более подходила добрая дубина, эта же ноша была ему явно непривычна, и громила, то и дело смущённо оглядываясь, перекладывал короб из одной руки в другую.

Ещё один мужчина, средних лет, похожий на татарина, был разбойнику скорее другом. Представлен мне он был как маркиз Аслан. Впрочем, человек этот был мне знаком и прежде, я иногда встречал его в Лоджии. Известен он был знатным своим происхождением, купеческим преуспеянием и тем, что некогда перешёл из магометанства в христианскую веру. Более того, немалую часть своего внушительного торгового дохода он теперь обращал в постройку небольшого монастыря Святого Георгия и храма при нём. Одет маркиз был небедно, говорил уверенно и вообще держался с Зульфикаром на равных, сохраняя при этом достоинство и горделивую осанку.

А довольно молодой и смуглый парень оказался моряком. Мой товарищ, хлопнув по плечу и подмигнув, назвал его «Весёлым капитаном». Парень и в самом деле оказался смешлив и, несмотря на явную простоту, держался вполне свободно.

Рядом с братом находился и старый мой знакомый воришка Мирали. Зульфикар держал его поближе, положив руку мальчишке на плечо. Тот же с интересом вертел головой и, казалось, не сдерживай его братское объятие, этот чертёнок тотчас пустился бы в какое-нибудь приключение.

Самым странным в этом обществе был маленький, неопределённого возраста, человечек с оспинами на лице и бегающими глазками, облачённый в изношенную, перелицованную одежду. С Зульфикаром он вёл себя чрезвычайно подобострастно, то и дело, заглядывая ему в лицо и беспрестанно мелко кивая. Впрочем, неприятный этот тип вскоре исчез. Перед этим он, покопавшись в странном своём лохматом кошельке и повинувшись небрежному жесту разбойника, отсыпал что-то звонкое в ладонь бородатому гроmile-черкесу и, непрерывно кланяясь, отступил в толпу. Особо не представляя его, Зульфикар лишь пренебрежительно пояснил: